

Николай Гедда :

«МОЯ МЕЧТА СБЫЛАСЬ»

На сцене Большого театра в опере Чайковского «Евгений Онегин» партию Ленского с большим успехом исполнил солист стокгольмской Королевской оперы всемирно знаменитый тенор Николай Гедда.

Чуть-чуть уставший, но счастливый, он возвращается в гримуборную после своей сценической «смерти» от руки Онегина. Вокруг много цветов, на столике афиша спектакля, на которой по его просьбе оставили автографы те, кто выходил вместе с ним сегодня на эту прославленную сцену. Высокий, стройный, в гриме, парике и длинном полове сюртуке, он настоящий Ленский.

— Вот и свершилась эта мечта. Я, Владимир Ленский и Большой театр. Наконец-то мы все встретились. Все было прекрасно: и мои партнеры, и блистательный оркестр, и, конечно же, люди в зале. Поверьте, я слышал их дыхание. Это удивительная публика. Я бесконечно благодарен им, — говорит артист.

— Ленского вы пели на родном языке этого литературного персонажа. И сейчас в вашем русском языке я не нахожу почти никакого акцента.

— Да, русский был первым языком, который я услышал пятьдесят пять лет назад, когда появился на свет. Мой покойный отец был выходцем из России, а мать шведка. Но в нашей семье в Стокгольме говорили только на языке главы семьи. Потом, когда я уже мог самостоятельно передвигаться и гонять на улице мяч, мои сверстники быстро обучили меня еще одному языку: шведскому.

Кстати, мой отец был солистом хора донских казаков.

— Значит, секрет вашего вокального дарования в хорошей наследственности? И когда же это обнаружилось?

— О, об этом, как говорят, я дал знать в полную силу своих

легких уже прямо в день рождения. Но, увы, признание я получил не сразу. Мой путь был усыпан терниями, и свои первые розы я получил уже в зрелом возрасте — в... четыре года, — улыбается Гедда. — Да, мне было только четыре года, когда состоялся мой дебют во время праздника в православной русской церкви Стокгольма.

— На каких сценах вы пели?

— Пожалуй, легче было бы ответить на прямо противоположный вопрос. Но с сегодняшнего дня уже можно считать, что белых пятен на моей гастрольной карте не осталось.

— Вы известны не только как оперный певец. Ваши пластинки «Романсы Рахманинова», «Романсы Глинки» получили Гран-при Французской Академии искусств.

— Да, я влюблен в старинные русские романсы, народные песни. В каждом концерте, где бы я ни был, я обязательно включаю их в свою программу.

— Вы первый раз в нашей стране. Но знакомо ли вам советское искусство?

— Мне очень нравится музыка советского композитора Родиона Щедрина. Не перестаю восхищаться исполнительским мастерством Ивана Козловского. Восхищен моисеевским ансамблем и «Березкой». С Онегиным — Мазуроком, который сейчас вышиб меня со сцены своим роковым выстрелом, я пел вместе в Нью-Йорке. Считаю его одним из выдающихся баритонов мира. Перечислить все просто невозможно. У меня дома есть большая коллекция пластинок. И среди них более чем сто дисков записаны советскими исполнителями.

Ю. СУШКОВ.